

Николай Ростовъ, охраняетъ своего повелителя, говоритъ ему всю правду, изобличаетъ обманщиковъ. Предавшись этими мечтамъ, Ростовъ вздрогнулъ, ему показалось вдругъ, что кто то разбудилъ его: то были дальніе крики. Все стихло, Николай снова предался своимъ мечтамъ, и потекли воспоминанія дѣтства, черноглазая Наташа, Денисовъ—и снова пробужденіе, и голоса уже взблизи, въ нѣсколькихъ шагахъ. Князь Багратіонъ Ѳхаль рядомъ съ княземъ Долгоруковымъ и о чемъ то бесѣдовали; подъ Ѳхавъ къ Ростову, Багратіонъ далъ ему порученіе—разузнать, гдѣ непріятель. Николай въ точности и смѣло выполнилъ это порученіе и затѣмъ обратился къ Багратіону съ просьбой — разрѣшить ему принять непосредственное участіе въ бою и уйти изъ резерва. Багратіонъ разрѣшилъ и согласился оставить Николая ординарцемъ при себѣ. „Завтра, очень можетъ быть, пошлютъ съ какимъ нибудь приказаниемъ къ государю“— подумалъ Николай...

Былъ густой туманъ въ 5 часовъ утра, когда союзныя войска получили приказаніе тронуться съ мѣста. Сей-часъ же началось движеніе, весь огромный лагерь зашевелился, изъ за тумана съ трудомъ можно было различать отдѣльные части войска и началась обычная въ такихъ случаихъ путаница, когда вдругъ оказывалось, что двинулись тѣ, которымъ велѣно было стоять на мѣстѣ, а стояли на мѣстѣ тѣ, кому велѣно было тронуться. Но несмотря на это, несмотря на то, что никто изъ колонныхъ начальниковъ не подъѣжалъ къ рядамъ и не разговаривалъ съ солдатами, солдаты шли весело, какъ и всегда идя въ дѣло, въ особенности въ наступательное. А въ это самое время Наполеонъ, окруженный своими маршалами, вглядывался вдали, туда, гдѣ проходили русскія войска. Его худое лицо не шевелилось ни однимъ мускуломъ, блестящіе глаза неподвижно были устремлены въ одно мѣсто. Наполеонъ видѣлъ, что его предположенія оказались правильными, что русскія войска сами очистили высоты, которыхъ онъ намѣренъ былъ атаковать и считалъ ключемъ позиціи. По беспорядочности русскихъ колонъ Наполеонъ угадывалъ, что центръ союзного войска достаточно ослабленъ и что его можно уже успѣшно атаковать. И когда туманъ совершенно разсвѣялся, Наполеонъ сдѣлалъ знакъ своимъ маршаламъ